

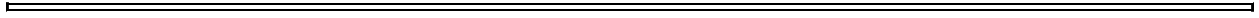
Василий Жуковский

# Спящая царевна



- [Василий Андреевич Жуковский](#)

- 



# Василий Андреевич Жуковский

## Спящая царевна

Жил-был добрый царь Матвей;  
Жил с царицею своею  
Он в согласье много лет;  
А детей все нет как нет.  
Раз царица на лугу,  
На зеленом берегу  
Ручейка была одна;  
Горько плакала она.  
Вдруг, глядит, ползет к ней рак;  
Он сказал царице так:  
"Мне тебя, царица, жаль;  
Но забудь свою печаль;  
Понесешь ты в эту ночь:  
У тебя родится дочь».  
«Благодарствуй, добрый рак;  
Не ждала тебя никак...»  
Но уж рак уполз в ручей,  
Не слыхав ее речей.  
Он, конечно, был пророк;  
Что сказал — сбылося в срок:  
Дочь царица родила.  
Дочь прекрасна так была,  
Что ни в сказке рассказать,  
Ни пером не описать.  
Вот царем Матвеем пир  
Знатный дан на целый мир;  
И на пир веселый тот  
Царь одиннадцать зовет  
Чародеек молодых;  
Было ж всех двенадцать их;  
Но двенадцатой одной,  
Хромоногой, старой, злой,  
Царь на праздник не позвал.

Отчего ж так оплошал  
Наш разумный царь Матвей?  
Было то обидно ей.  
Так, но есть причина тут:  
У царя двенадцать блюд  
Драгоценных, золотых  
Было в царских кладовых;  
Приготовили обед;  
А двенадцатого нет  
(Кем украдено оно,  
Знать об этом не дано).  
«Что ж тут делать? — царь сказал. —  
Так и быть!» И не послал  
Он на пир старухи звать.  
Собрались пировать  
Гости, званные царем;  
Пили, ели, а потом,  
Хлебосольного царя  
За прием благодаря,  
Стали дочь его дарить:  
«Будешь в золоте ходить;  
Будешь чудо красоты;  
Будешь всем на радость ты  
Благонравна и тиха;  
Дам красавца жениха  
Я тебе, мое дитя;  
Жизнь твоя пройдет шутя  
Меж знакомых и родных...»  
Словом, десять молодых  
Чародеек, одарив  
Так дитя наперерыв,  
Удалились; в свой черед  
И последняя идет;  
Но еще она сказать  
Не успела слова — глядь!  
А незваная стоит  
Над царевной и ворчит:  
«На пиру я не была,  
Но подарок принесла:

На шестнадцатом году  
Повстречаешь ты беду;  
В этом возрасте своем  
Руку ты веретенном  
Оцарапаешь, мой свет,  
И умрешь во цвете лет!»  
Проворчавши так, тотчас  
Ведьма скрылася из глаз;  
Но оставшаяся там  
Речь домолвила: «Не дам  
Без пути ругаться ей  
Над царевною моею;  
Будет то не смерть, а сон;  
Триста лет продлится он;  
Срок назначенный пройдет,  
И царевна оживет;  
Будет долго в свете жить;  
Будут внуки веселить  
Вместе с нею мать, отца  
До земного их конца».  
Скрылася гостья. Царь грустит;  
Он не ест, не пьет, не спит:  
Как от смерти дочь спасти?  
И, беду чтоб отвести,  
Он дает такой указ:  
«Запрещается от нас  
В нашем царстве сеять лен,  
Прясть, сучить, чтоб веретен  
Духу не было в домах;  
Чтоб скорей как можно прях  
Всех из царства выслать вон».  
Царь, издав такой закон,  
Начал пить, и есть, и спать,  
Начал жить да поживать,  
Как дотолле, без забот.  
Дни проходят; дочь растет;  
Расцвела, как майский цвет;  
Вот уж ей пятнадцать лет...  
Что-то, что-то будет с ней!

Раз с царицею своей  
Царь отправился гулять;  
Но с собой царевну взять  
Не случилось им; она  
Вдруг соскучилась одна  
В душей горнице сидеть  
И на свет в окно глядеть.  
«Дай, — сказала наконец, —  
Осмотрю я наш дворец».  
По дворцу она пошла:  
Пышных комнат нет числа;  
Всем любуется она;  
Вот, глядит, отворена  
Дверь в покой; в покое том  
Вьется лестница винтом  
Вкруг столба; по ступеням  
Всходит вверх и видит — там  
Старушоночка сидит;  
Гребень под носом торчит;  
Старушоночка прядет  
И за пряжею поет:  
«Веретенце, не ленись;  
Пряжа тонкая, не рвись;  
Скоро будет в добрый час  
Гостяжданная у нас».  
Гостяжданная вошла;  
Пряха молча подала  
В руки ей веретено;  
Та взяла, и вмиг оно  
Укололо руку ей...  
Все исчезло из очей;  
На нее находит сон;  
Вместе с ней объемлет он  
Весь огромный царский дом;  
Все утихнуло кругом;  
Возвращаясь во дворец,  
На крыльце ее отец  
Пошатнулся, и зевнул,  
И с царицею заснул;

Свита вся за ними спит;  
Стража царская стоит  
Под ружьем в глубоком сне,  
И на спящем спит коне  
Перед ней хорунжий сам;  
Неподвижно по стенам  
Мухи сонные сидят;  
У ворот собаки спят;  
В стойлах, головы склонив,  
Пышны гривы опустив,  
Кони корму не едят,  
Кони сном глубоким спят;  
Повар спит перед огнем;  
И огонь, объятый сном,  
Не пылает, не горит,  
Сонным пламенем стоит;  
И не тронется над ним,  
Свившись клубом, сонный дым;  
И окрестность со дворцом  
Вся объята мертвым сном;  
И покрыл окрестность бор;  
Из терновника забор  
Дикий бор тот окружил;  
Он навек загородил  
К дому царскому пути:  
Долго, долго не найти  
Никому туда следа —  
И приблизиться беда!  
Птица там не пролетит,  
Близко зверь не пробежит,  
Даже облака небес  
На дремучий, темный лес  
Не навеет ветерок.  
Вот уж полный век протек;  
Словно не жил царь Матвей —  
Так из памяти людей  
Он изгладился давно;  
Знали только то одно,  
Что средь бора дом стоит,

Что царевна в доме спит,  
Что проспять ей триста лет,  
Что теперь к ней следу нет.  
Много было смельчаков  
(По сказанью стариков),  
В лес брались они сходить,  
Чтоб царевну разбудить;  
Даже бились об заклад  
И ходили — но назад  
Не пришел никто. С тех пор  
В неприступный, страшный бор  
Ни старик, ни молодой  
За царевной ни ногой.  
Время ж все текло, текло;  
Вот и триста лет прошло.  
Что ж случилось? В один  
День весенний царский сын,  
Забавляясь ловлей, там  
По долинам, по полям  
С свитой ловчих разъезжал.  
Вот от свиты он отстал;  
И у бора вдруг один  
Очутился царский сын.  
Бор, он видит, темен, дик.  
С ним встречается старик.  
С стариком он в разговор:  
«Расскажи про этот бор  
Мне, старинушка честной!»  
Покачавши головой,  
Все старик тут рассказал,  
Что от дедов он слышал  
О чудесном боре том:  
Как богатый царский дом  
В нем давным-давно стоит,  
Как царевна в доме спит,  
Как ее чудесен сон,  
Как три века длится он,  
Как во сне царевна ждет,  
Что спаситель к ней придет;



Как опасны в лес пути,  
Как пыталася дойти  
До царевны молодежь,  
Как со всяким то ж да то ж  
Приключалось: попадал  
В лес, да там и погибал.  
Был детина удалой  
Царский сын; от сказки той  
Вспыхнул он, как от огня;  
Шпоры втиснул он в коня;  
Прянул конь от острых шпор  
И стрелой помчался в бор,  
И в одно мгновенье там.  
Что ж явилось очам  
Сына царского? Забор,  
Ограждавший темный бор,  
Не терновник уж густой,  
Но кустарник молодой;  
Блещут розы по кустам;  
Перед витязем он сам  
Расступился, как живой;  
В лес въезжает витязь мой:  
Всё свежо, красно пред ним;  
По цветочкам молодым  
Пляшут, блещут мотыльки;  
Светлой змейкой ручейки  
Вьются, пенятся, журчат;  
Птицы прыгают, шумят  
В густоте ветвей живых;  
Лес душист, прохладен, тих,  
И ничто не страшно в нем.  
Едет гладким он путем  
Час, другой; вот наконец  
Перед ним стоит дворец,  
Зданье — чудо старины;  
Ворота отворены;  
В ворота въезжает он;  
На дворе встречает он  
Тьму людей, и каждый спит:

Тот как вкопанный сидит;  
Тот не двигаясь идет;  
Тот стоит, раскрывши рот,  
Сном пресекая разговор,  
И в устах молчит с тех пор  
Недоконченная речь;  
Тот, вздремав, когда-то лечь  
Собрался, но не успел:  
Сон волшебный овладел  
Прежде сна простого им;  
И, три века недвижим,  
Не стоит он, не лежит  
И, упасть готовый, спит.  
Изумлен и поражен  
Царский сын. Проходит он  
Между сонными к дворцу;  
Приближается к крыльцу:  
По широким ступеням  
Хочет вверх идти; но там  
На ступенях царь лежит  
И с царицей вместе спит.  
Путь наверх загорожен.  
«Как же быть? — подумал он. —  
Где пробраться во дворец?»  
Но решился наконец,  
И, молитву сотворя,  
Он шагнул через царя.  
Весь дворец обходит он;  
Пышно все, но всюду сон,  
Гробовая тишина.  
Вдруг глядит: отворена  
Дверь в покой; в покое том  
Вьется лестница винтом  
Вкруг столба; по ступеням  
Он взошел. И что же там?  
Вся душа его кипит,  
Перед ним царевна спит.  
Как дитя, лежит она,  
Распылалась от сна;

Молод цвет ее ланит,  
Меж ресницами блестит  
Пламя сонное очей;  
Ночи темная темней,  
Заплетенные косою  
Кудри черной полосой  
Обвились кругом чела;  
Грудь как свежий снег бела;  
На воздушный, тонкий стан  
Брошен легкий сарафан;  
Губки алые горят;  
Руки белые лежат  
На трепещущих грудях;  
Сжаты в легких сапожках  
Ножки — чудо красотой.  
Видом прелести такой  
Отуманен, распален,  
Неподвижно смотрит он;  
Неподвижно спит она.  
Что ж разрушит силу сна?  
Вот, чтоб душу насладить,  
Чтоб хоть мало утолить  
Жадность пламенных очей,  
На колени ставши, к ней  
Он приблизился лицом:  
Распалительным огнем  
Жарко рдеющих ланит  
И дыханьем уст облит,  
Он души не удержал  
И ее поцеловал.  
Вмиг проснулася она;  
И за нею вмиг от сна  
Поднялося все кругом:  
Царь, царица, царский дом;  
Снова говор, крик, возня;  
Все как было; словно дня  
Не прошло с тех пор, как в сон  
Весь тот край был погружен.  
Царь на лестницу идет;

Нагулявшись, ведет  
Он царицу в их покой;  
Сзади свита вся толпой;  
Стражи ружьями стучат;  
Мухи стаями летят;  
Приворотный лает пес;  
На конюшне свой овес  
Доедает добрый конь;  
Повар дует на огонь,  
И, треща, огонь горит,  
И струею дым бежит;  
Всё бывалое — один  
Небывалый царский сын.  
Он с царевной наконец  
Сходит сверху; мать, отец  
Принялись их обнимать.  
Что ж осталось досказать?  
Свадьба, пир, и я там был  
И вино на свадьбе пил;  
По усам вино бежало,  
В рот же капли не попало.

*Сказка написана в ходе «состязания» с А. С. Пушкиным 26 августа —  
12 сентября 1831 г.*